

КРАСНАЯ МОСКВА

В ОТРАЖЕНИЯХ



СОВЕТСКИЙ ВИНТАЖ
КНИГИ СО ВКУСОМ ПАМЯТИ

Красная Москва в отражениях

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Красная Москва в отражениях / Издательство «Четыре», 2026

ISBN 978-5-908132-02-2

«Птичье молоко», тающее во рту, «Красная Москва», оставляющая шлейф на танцплощадках Советского Союза; магнитофон «Рига», сводящий с ума запретными аккордами... На страницах этой книги уютно устроилась память. Об авоське с молочными бутылками, о великом Дне Победы, о заветной чекушке для деда, о тех временах, когда в «моде» была человечность. Авторы, произведения которых составили наш сборник, вспоминая о советских брендах, вытянули из прошлого множество семейных историй и тем самым вписали их в историю современной литературы. Приглашаем читателей под шелест страниц сложить мозаику из своих воспоминаний, взглядеться в получившийся узор и вдруг понять: эпоха ушла, но её запах, её вкус, её тепло всё ещё здесь. Между строк. Между нами. В книге присутствуют сцены употребления алкоголя.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908132-02-2

, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

Ностальгия по светлому прошлому	6
Ирина Авраменко	8
Чемодан с клетчатым нутром	8
Вячеслав Бодуш	9
Бутылка	9
Лариса Джейкман	11
Последние капли «Красной Москвы»	11
Марина Дзамашвили	14
Варя	14
Елена Есина	16
Авоська	16
Юрий Журавков	18
«Мне не хватает снега за окном...»	18
«Минуты оставались до полёта...»	19
«Январский воздух от мороза синий...»	21
«Мне снилась лестница подъезда...»	22
«Сейчас мне скажут: „Не было! Заврался!“...»	23
«Московское метро. Обычный день...»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Красная Москва в отражениях.
Сборник прозы и поэзии
Составитель Алёна Комиссарова**

издательство
ЧЕТЫРЕ

© Издательство «Четыре», 2026



Ностальгия по светлому прошлому (попытка предисловия)

– Что было раньше, курица или яйцо?

– Раньше было всё.

Вместо эпитафии

Человек – это звучит не только гордо, но и живо. Он прежде всего – живой, то есть не только жить торопится, но и чувствовать спешит. Он эмпат от рождения и не может без чувств, без эмоций, без того, что входит в ощущение присутствия души. А под натиском всяческих ИИ и прочих новоглупостей, почему-то прозванных умными, потребность в эмоциях всё острее и острее. И ностальгия – одна из них. Тем более в нашем нынешнем обществе, где подспорьем в этом – водораздел-91, в очередной раз разрезавший время на «до» и «после».

Причём люди тоже привычно разделились, это им свойственно (остроконечники и тупоконечники, западники и славянофилы – список можно продолжать и продолжать), теперь на мечущихся старых совков и новых веников, по-новому метущих. Но любая пара будет одина в своей противоположности – диалектика всё упорядочит.

Мы ищем старое советское качество через недостатки как продолжение достоинств. Хорошее пиво должно портиться, хорошие пельмени – слипаться, хорошее молоко – скисать. Мы жили среди минусов, а теперь пытаемся в беззнаковом-незнакомом настоящем отыскать плюсы. В нынешнем времени улучшается что-то частное, мелкое и при этом уничтожается нечто общее, главное.

Но прелесть ностальгии – ещё и в тихой грусти на грани ноющей боли, той, что даёт понять – мы ещё живы, ещё чувствуем. И понимаем, что время «до» – это что-то большее, чем газировка за три копейки или пионерлагерь забесплатно, даже больше, чем уверенность в завтрашнем дне (пожалуй, это главный козырь для ностальгирующих). Просто ушло волшебное время, как каждый год уходило в сентябрь светлое пионерское лето.

А потом пришло новое время, тоже с уверенностью в завтрашнем дне, и слава богу, что, достигнув этого дна, мы сумели от него оттолкнуться. Будем ли мы так же ностальгировать по девяностым? А знаете, наверное будем – мы же чувствуем!

Юрий Иванов,

литературный редактор,

рецензент, критик, публицист



Ирина Авраменко

Чемодан с клетчатым нутром

Он стоял на антресолях долго, так долго, что стал частью шкафа. Коричневый, с потёртыми углами, с железной застёжкой, которая закрывалась только с нажимом, будто требовала решимости. Внутри – клетчатая ткань, когда-то яркая, теперь выцветшая до цвета тихого утра.

Это был чемодан. Не дорожный – судьбоносный.

С ним не ездили на курорты.

Его брали, когда уезжали «пока что», «на время», «как получится». В нём помещалась жизнь, сложенная аккуратно, с запасом надежды и парой лишних носков.

Когда его открывали, воздух менялся. Пахло нафталином, газетной бумагой и чем-то домашним, неуловимым, как запах времени, в котором всё было вплотную: люди, мечты, очереди, разговоры. В этом чемодане когда-то лежало платье – единственное нарядное. Его не надевали часто, берегли, как возможность чего-то праздничного. Рядом лежал альбом с чёрно-белыми фотографиями, перетянутый резинкой, чтобы не рассыпались лица. На дне – письмо, которое так и не отправили: адрес был написан, а решимости не хватило.

Чемодан знал многое. Он знал, как звучит прощание без слёз, потому что слёзы – потом, ночью. Знал, как тяжело держать ручку, когда делаешь вид, что ненадолго. Знал, как закрывают крышку, придавливая ладонью, будто можно прижать страхи и сомнения. Он пережил переезды, возвращения, обещания «в следующий раз». Потом его подняли наверх – туда, где хранят вещи, ставшие памятью. И время стало складываться уже не в него, а вокруг. Сейчас его достают редко. Иногда – чтобы переложить. Иногда – просто проверить, на месте ли он. Открывают, смотрят и снова закрывают. Потому что чемодан – это не про дорогу. Это про то, что однажды уже было собрано, но не до конца прожито.

Он молчит. Но если долго держать ладонь на его крышке, можно почувствовать, что внутри всё ещё лежит эпоха, аккуратно сложенная, с запасом терпения и верой, что всё обязательно пригодится.

Вячеслав Бодуш

Бутылка

Анна нашла её, когда разбирала антресоли после смерти отца. Зацепилась взглядом за что-то тяжёлое, стеклянное, завернутое в пожелтевшую газету «Правда» за 1976 год. Развернула. Стекло было пыльным, но под слоем пыли угадывалась та самая, знакомая до слёз форма. Молочная бутылка. Пол-литровая. С широким горлышком под крышечку из фольги, с рельефными гранями по бокам, чтобы не скользила в руке. Анна подняла её к свету, и волна детства накрыла её с головой. Это был не просто сосуд. Это был пропуск в детское доброе утро. Раннее, голубоватое, пахнущее свежей газетой и мокрым асфальтом. Стук бутылок о металлический поддон, глухой и звенящий одновременно: это мама ставила в прихожей сетку-авоську с молоком. В авоське их всегда было три – или полные, или пустые.

Сдача пустой стеклотары была святым делом. Сама бутылка была холодной, даже если на улице стоял июль. Конденсат стекал по стеклу светлыми дорожками. Нужно было аккуратно оторвать крышечку – иногда она отходила легко, с мягким хлопком, иногда приходилось поддевать ногтем. И тогда – этот запах. Настоящего, не «восстановленного» молока; пахнущего не стерильностью, а... летом. Травой, коровой, простором. Иногда на дне бутылки оставался густой сладкий след, почти сливки. Вкуснотища! Пустая бутылка жила второй жизнью. В неё наливали домашний квас или морс и брали на пикник. Но главный путь – обратно, в молочный отдел. Бутылки стояли рядами у стены, в ящиках: зеленоватые – из-под кефира, простые – из-под молока. Сдавая их, ты получал не только деньги – 15 копеек, но и чувство правильного, замкнутого круга. Ничего не пропадало.

Стекло «гуляло» по стране, из магазина в магазин, из города в деревню, неся в себе память о тысячах кухонь, о тысячах утренних, дневных, вечерних глотков. Анна вспомнила лицо продавщицы в их гастрономе «Восход». Тётя Люда знала всех постоянных покупателей.

– Опять Петрович с похмелья кефира купил? – смеялась она, звеня бутылками.

Они были частью разговора, частью связи. Ты приходил не к безликой стойке, а к человеку, который, увидев пустую тару в твоих руках, уже знал, что ты хочешь «пастеризованное, пожирнее».

Анна зашла с бутылкой в кухню своей уже современной квартиры. Поставила её на стол рядом с пластиковой бутылкой ультрапастеризованного молока «с увеличенным сроком годности». Два мира. Тяжёлое, основательное стекло – и лёгкая, безликая, одноразовая пластиковая бутылка. Анна помыла стеклянную бутылку. Вода очищающе сбегала по стеклу. И советская стеклотара засверкала, как новенькая. Анна налила в неё молока из современной пластиковой бутылки. И тут случилось странное. Молоко в бутылке выглядело... нелепо. Чужим. Оно должно было быть другим – более густым, с каплями жира на стенках, обещающим ту самую, давно забытую пенку при кипячении. Она попробовала. На вкус – обычное магазинное молоко. Но во рту ожил другой вкус – из детства. Терпкий, насыщенный, с едва уловимой горчинкой где-то на задней части языка. И с ним пришло ощущение: ты пьёшь не жидкость из пластика – ты пьёшь сам уклад.

Детство. Утро. Холодок бутылки в руке. Стук дверцы холодильника «Бирюса». Голос диктора Левитана из радиоприёмника на кухне. Ощущение, что мир, несмотря на все его сложности, – прочен и светел. Как это стекло. Анна не стала ставить бутылку на полку. На следующий день она отнесла её на дачу. И теперь в ней стоит вода для полива рассады. Бутылка стоит на старой табуретке у окна, и солнце, проходя сквозь стекло, отбрасывает на деревянные стены призрачные, колышущиеся блики. Блики из прошлого. Иногда Анна берёт её в руки,

просто так. Чувствует вес. Прохладу. Эта бутылка никогда больше не вернётся в молочный отдел. Для неё нет обменного пункта в этом новом, быстром, одноразовом мире. Но она по-прежнему работает. Не как ёмкость для молока, а как сосуд для совершенно иной субстанции – исчезнувшего времени. Времени, когда вещи были приятнее и теплее, связи – прочнее, а молоко пахло не сроком годности, а жизнью. Простой, понятной и цикличной, как возвращение пустой бутылки обратно к своему истоку. На молочный комбинат.

Лариса Джейкман

Последние капли «Красной Москвы»

Галина с Николаем недавно въехали в большой девятиэтажный дом-муравейник, как они сами это называли. Множество подъездов, сотни квартир, тысячи окон. Дом будто жил своей жизнью, как живой организм. А люди в нём – своей. У каждой семьи – заботы, работа, хлопоты. И между собой общались впопыхах: «здрасьте – до свиданья». Некогда всем.

Недалеко от дома был большой магазин, супермаркет с огромной парковкой. Очень удобно. После работы заскочил быстренько, купил всё, что надо, и скорее домой, к семейному очагу, как тот муравьишка.

Зачастую Галина заезжала в магазин вместе с мужем, но когда он задерживался, то и одна, правда, много не набирала: нести до дома хоть и не так далеко, а всё же тяжело. Последнее время она стала часто встречать напротив входа пожилую женщину. Незнакомка провожала взглядом выходящих людей, ничего не просила, а просто одиноко сидела на лавочке. Опрятная, явно не бездомная попрошайка.

Как-то Галина перехватила её взгляд, а женщина поздоровалась с ней и улыбнулась. Так и повелось, теперь они здоровались всегда.

В этот вечер моросил дождик, Галина с Николаем вышли из магазина, а женщина опять здесь. Серенькое пальтишко, старомодные резиновые боты, на голове платок. Галина остановилась и спросила после обычного приветствия:

– Вас подвезти, может? Вы не промокли?

И женщина охотно согласилась, причём так поспешно, без всяких там «ну что вы, нет, спасибо» и прочих отговорок. Оказалось, что живёт она в том же доме, через подъезд от них на первом этаже. Зовут её Любовь Ильинична.

– Я получила эту квартиру, когда на промкомбинате работала. Мы тут с сыночком жили, а потом он в Ленинград уехал, – назвав город по старинке, сообщила она.

– Ну и как, приезжает сын? – спросила Галина для поддержания разговора.

Но оказалось, что нет. И к нему она никак не соберётся. Далеко больно, да и семья у него, мешать не хочется. Это всё показалось странным. Но расспрашивать Галина не стала, уже подъехали к дому и расстались.

А в выходной они снова встретились. Галина пошла за продуктами, а возвращаясь, увидела Любовь Ильиничну у своего подъезда. Женщина так радостно поприветствовала её, что Галина не удержалась и пригласила её к себе. Та снова радостно согласилась и с тех пор стала у них частой гостьей.

Как-то их вместе заметила соседка по площадке и сказала Галине:

– Зря вы её приваживаете, не отвяжетесь. От неё уже все шарахаются в нашем доме.

– Почему? – недоуменно спросила Галина.

– Да одинокая совсем, кота держит. А сын, наверное, уж и звать как, забыл, глаз не кажет. А она, как дворняжка, всем в глаза заглядывает, кто приголубит, к тому и бежит.

Галине такое сравнение не понравилось. Не подходило оно этой женщине, которая была постарше их с Николаем. Но они и сами уже почти пенсионеры, и дети далеко, хотя их не забывают, часто звонят, скоро вот приехать собираются. Их новую квартиру ещё не видели.

А если человек совсем один, то ему ведь тоскливо, наверное? Да и не против они с Николаем её визитов по вечерам. Она всегда приходила с угощением: то оладий напечёт, то торт незатейливый. Сама опрятная, всегда в платочке и с неизменным ароматом давно забытой «Красной Москвы».

– Я по капельке расходую, – сказала она, – сыночек подарил, когда ещё студентом был.

«Значит, без малого лет двадцать назад», – подумала Галина и улыбнулась. Всё в этой женщине вызывало улыбку, добрую улыбку. Они чаёвничали, потом Николай отправлялся смотреть телевизор, а они разговаривали по душам. В основном о детях.

Галина уже знала, что Любовь Ильинична растила сыночка Витеньку одна. Муж умер рано, а замуж она больше не вышла. Всю себя посвятила сыну.

Зарабатывала хорошо, а потом после армии отправила его учиться в Ленинград. Директор комбината похлопотал, направление дали на учёбу, думали, он вернётся специалистом на их производство.

А он не вернулся, женился там на своей Миле, да так и остался. Двое деток у них.

– Я хотела поехать помочь, а Милочка сказала, что сама справляется. Вот теперь Витя зовёт, а я не еду, – как-то грустно сказала она.

– Почему? – удивилась Галина.

– Да мешать не хочу. Мила мне письмо прислала, пишет, что места мало у них, район шумный, пятый этаж без лифта. Не приезжайте, мол. Витя в командировках всё время, у детей друзья толпятся. Вот и не еду. Всё Витеньку жду. Обещал приехать навестить.

– А внуков-то вы видели? – спросила удивлённая Галина.

– Видела один раз. Они в Москву на экскурсию ездили, и я туда приехала. Ну чтобы повидаться. Да так и не поговорили толком. Они все в бегах были, а вечерами спать без задних ног. Витя тоже замотался с ними. Вот с тех пор жду, когда сам приедет.

Галине стало грустно, а Любовь Ильинична с такой теплотой, с такой любовью рассказывала об этих незатейливых радостях, что и жалости места не оставалось. И всё же это было неправильно – оставить мать одну, без внимания и заботы.

Наконец Виктор приехал, вальяжный, ухоженный. На людях показывался мало, в супермаркет через полквартала и то такси вызывал. Да и пробыл-то всего три дня.

И всё же Галине удалось с ним поговорить: мама скучает, мол, ждала очень. На что мужчина ответил свысока:

– Разберёмся, – разве что «без сопливых» не добавил. – Старые деревья не любят, когда их пересаживают.

Хотела ему Галина ответить, что даже за старыми деревьями нужно ухаживать, чтобы не погибли, но не успела. Мужчина повернулся и пошёл от неё, не удостоив дальнейшим вниманием. А вскоре и уехал.

В этот же вечер Любовь Ильинична позвонила и попросилась на вечерок. Пришла с коробкой конфет «Рафаэлло»: сыночек привёз. И ну рассказывать, как у него всё хорошо да ладно в жизни. Защитил кандидатскую, Милочка – менеджер, дети преуспевают.

– Вас-то с собой не позвал? – спросил Николай, а Галина глянула на него неодобрительно: она рассказывала ему про разговор с Виктором.

Любовь Ильинична покачала головой, а потом сказала:

– Да я бы всё равно не поехала. Мне и Барсика не на кого оставить.

После её ухода Николай сказал раздражённо, что она сама, мол, ехать не хочет. Барсик дороже внуков, но Галина с ним не согласилась. Барсик – это отговорка. Не звал он её, этот Виктор. И ему семья дороже матери. Десять лет назад последний раз виделись в Москве. Разве это дело?

Прошёл ещё год, и Любовь Ильинична слегла. Галина с Николаем присматривали за ней. Чем могли, помогали. По её просьбе она позвонила Виктору, и через день в доме появилась сиделка. Она поставила условие, что будет ухаживать, но только без посторонних. Так они с Виктором Сергеевичем договорились по телефону.

Галина расстроилась, но всё же вечерами навещала соседку к вящему неудовольствию этой сиделки-приживалки. И та настояла, чтобы забрали Барсика. Некогда ей с ним возиться.

– Забери, милая, – попросила Любовь Ильинична, и одинокая слезинка скатилась по щеке.

Но долго несчастная женщина не протянула. Умерла к зиме. Хоронили её Галина с Николаем. Правда, комбинат выделил средства как бывшей работнице, ну и Виктор прислал. А сам приехать не смог, ему как раз в это время нужно было уезжать в зарубежную командировку. Не отменить, мол.

Всё это он сообщил Галине по телефону и сказал, что приедет потом, как освободится. Ну а про Милочку с внуками и говорить нечего. Чужая она им.

Виктор появился лишь через год. Поставил матери памятник, добротный, гранитный, и высек на нём слова: «Память – это всё, что осталось от тебя, мама».

Затем Виктор спешно продал её квартиру, ему завещанную, и укатил в свою жизнь, отдав Галине коробку с кое-какими книгами, небольшими картинками в рамках и флакончиком от духов «Красная Москва», там ещё осталось чуть-чуть. Наверное, решил не выбрасывать. А Милочке они без надобности.

Марина Дзамашвили

Варя

*Светлая память Васечкиной Варваре Николаевне,
простой русской женщине*

Женщина преклонных лет сидела на скамейке возле собственного дома и грелась на солнышке. Морщинистые, натруженные руки придерживали накинутую на плечи жакетку. Вокруг цвели вишни, и пахло весной. Рядом сидела молодая женщина и внимательно слушала, что ей говорила тётя Варя.

«Сейчас самая пора сажать и сеять, земля после зимы истосковалась по заботе и человеческим рукам, – тихим голосом говорила пожилая женщина. – Я всю жизнь с землёй, с ней, родимой, провозилась. Утром ранним запрягу лошадь в телегу да и поеду на работу в соседнюю деревню. Кому грядки прополою, кому картошку помогу посадить, кому по дому помогу, кому траву скошу. Смотришь, уже и вечер подступает.

Мне ехать до дома далеко, но по одной дороге, через кладбище заброшенное. С одной стороны дороги – кресты невысокие с маленькими табличками, а с другой кресты высятся. Утром ещё ничего, не особо страшно, а вот вечером да ночью жуть берёт. Накроюсь в телеге тулупом с головой и молитву всем святым читаю, а лошадь сама меня домой привозит. Надоело мне так ездить да со страху помирать каждый день.

Решила я днём на кладбище сходить и посмотреть, кто там покоится. Остановила телегу у кладбища, привязала лошадь да и пошла медленно между могил. Смотрю, а кладбище большое. Подошла к ближайшей могиле, гляжу, а там ребёнок маленький похоронен. Могилка вся заросла, травы по пояс. Сердце у меня и сжалось от боли. Нагнулась я да как начала траву рвать, что было сил. Мне казалось, что бурьян этот усопшему ребёнку дышать не даёт, душит и словно камнем давит.

Почистила я могилку, крест поправила, цветочки положила. И так мне на душе легко стало, не передать словами. Посмотрела на соседнюю могилу: там солдатик молодой, погибший на войне, покоится. Нагнулась и его могилку прибрала. Так потихоньку стала я по две могилы в день от бурьяна очищать. Потом краску купила – оградки, где были, покрасила. Теперь я почти всех поимённо знала, со всеми покойными здоровалась. Казались они мне одной большой родной семьёй.

Но всё равно, проезжая ночью мимо кладбища, укрывала голову и молитву читала до самого дома. Страшно было. Никому я об этом не рассказывала. Люди разные бывают, может, кто не так поймёт да за сумасшедшую примет. Убрала одну сторону кладбища, а потом перешла на другую. А там могилы вообще в холмики превратились, почти сравнялись с землёй, да и крестов меньше было, одни таблички. Потёрла я одну табличку, гляжу – не по-нашему написано. Потом догадалась: тут немецких солдат хоронили. Опустились у меня руки, в голове зашумело. Я же пережила с мамой оккупацию и голод, хоть и маленькая была, а всё помню.

Сердце колотилось со страшной силой. Не буду убирать, не заслужили. Повернулась и пошла прочь оттуда. Села в телегу и дальше поехала. Еду, а сама маюсь. Ведь они тоже молодыми полегли. У них тоже матери были, и маленькими они тоже были, их тоже девушки любили. Кто же за их могилами посмотрит? Наверно, и родные их тоже ищут или считают без вести пропавшими. Не выдержала, повернула я телегу опять к кладбищу.

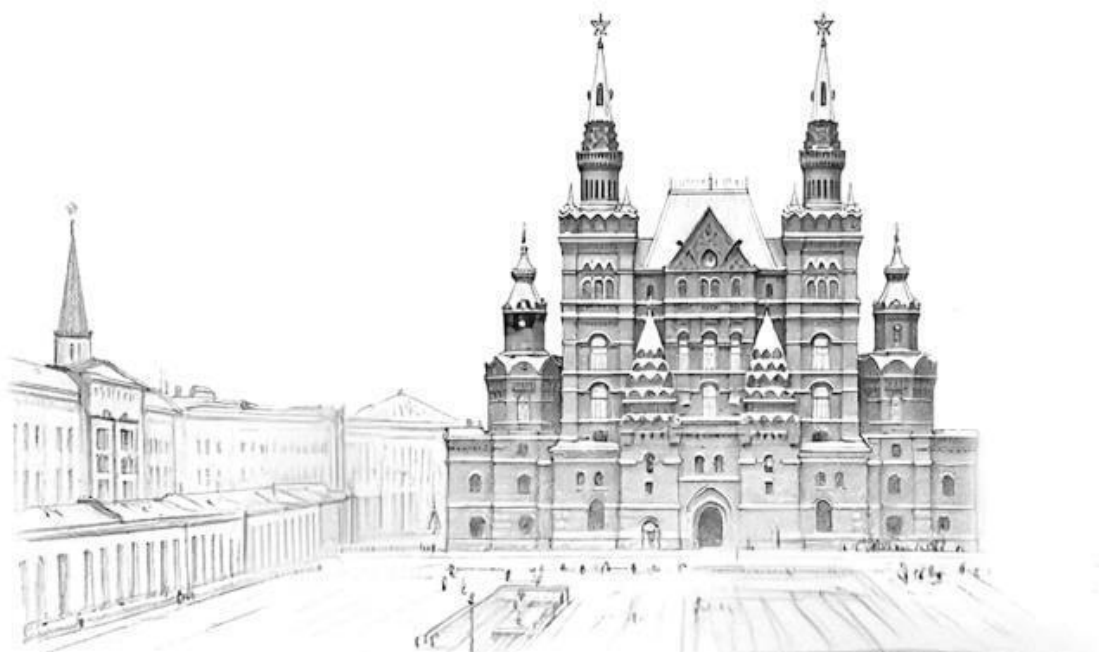
Так и повелось: подъеду, спешусь да за работу принимаюсь. Скоро две стороны кладбища стали ухоженными. Зато на селе люди шептаться стали да искоса на меня поглядывать, рассказывая, что кто-то заброшенные фрицевские могилы убирает. Не выдержала я сплетен за спиной, пошла в клуб. Перед показом кино вышла на сцену, откашлялась и сказала: “Товарищи! Хочу сказать честно: это я убираюсь на старом кладбище. И не надо меня судить. Я плохого ничего не делаю. Нужно помнить свою историю, своих родных и врагов прощать”.

Тут поднялся шум и гам. Одни меня хвалили, другие говорили, что я против советской власти иду. Махнула я на них рукой да и пошла вон из клуба. Иду, а слёзы из глаз катятся. Почему люди так жестоки, почему мирно жить не можем, всё врагов ищем?! Утром я, как всегда, запрягла лошадь в телегу и поехала на работу. Только смотрю: у околицы женщины стоят и вроде меня высматривают. Остановилась я возле них и поздоровалась.

Женщины сначала тихо, потом громче да вразнобой начали говорить: “Варя, не держи зла. Всё правильно делаешь. Какая разница, кто похоронен – русский иль немец? Все перед Господом равны. Детям пример нужно подавать. Чтобы и нас, когда на том свете будем, помнили и наши могилы в порядке держали. Мы с тобой тоже поедем”.

Женщины забрались в телегу, и мы поехали на кладбище.

С тех пор наша деревня ухаживает за этими могилами, а я свой страх перед кладбищем потеряла».



Елена Есина

Авоська

Она ждала своего часа на полке в прихожей, свёрнутая в тугий комок. Авоська представляла собой сплетённую из крепких хлопчатобумажных нитей сумку в виде сетки с ячейками, которые растягивались, вмещая невероятное количество продуктов. Бабушка называла её просто – «сетка». Но для меня, семилетнего, это было магическое слово – авоська.

В ту субботу бабушка разбудила меня затемно. На кухне пахло пережаренным подсолнечным маслом и табачком с дедушкиной телогрейки. Бабушка, натягивая старенькое драповое пальто, говорила шёпотом, чтобы не разбудить младшую сестру:

– Авось сегодня что-нибудь «выбросят». Авось повезёт.

От этого «авось» и происходило название сетки, как объяснила мне бабушка. В её эластичные ячейки клали покупки, надеясь, что хлипкие с виду узелки выдержат, и шли с ней по жизни, надеясь, что «выбросят» в магазине колбасу, масло, туалетную бумагу – всё, что было не купить, а только «достать». Мы шли в молочный магазин на соседней улице. Бабушка несла пустую авоську, свёрнутую в ладони, будто секретный план. Я нёс вторую, запасную – на всякий случай. У магазина уже стояла тихая, сонная очередь. Она не была похожа на толпу – люди стояли на почтительном расстоянии друг от друга, кутались в пальто, смотрели в пустой асфальт. Никто не спрашивал: «Кто последний?» Все и так знали.

Когда открылись двери, очередь ожила, сжалась, стала монолитом. Мы вошли в прохладный полумрак, пахнущий сыростью. И тут бабушка преобразилась. Из медлительной, сгорбленной старушки она превратилась в быстрого, юркого добытчика-охотника. Её глаза, обычно мутные, загорелись азартом.

– Масло! Сливочное! К стойке! – прошептала она мне, и я, как ошпаренный, рванул туда, куда указывала её морщинистая рука.

Потом был момент, который врезался в память навсегда. Продавщица, уставшая женщина в белом халате, вынесла из-за перегородки тяжёлый деревянный лоток с плоскими брикетами в серой бумаге. И произнесла сакральную фразу, от которой вздрогнули все:

– Масло по килограмму в одни руки!

Тишина взорвалась гулом. Бабушка ловко выхватила у меня из рук обе авоськи. Одну, с длинными ручками, она ловко раскрыла, образовав из сетки глубокий мешок, – и два брикета мягко шлёпнулись на дно. Вторую, попроще, она растянула пальцами, расширив ячейки, и продавщица бросила туда третий килограмм. Авоська жалобно скрипнула, нити натянулись до предела, но выдержали. Обратный путь был триумфальным шествием. Тяжёлые, оттягивающие руки до земли авоськи болтались у нас с бабушкой. Хлопчатобумажные кручёные ручки впивались в пальцы, оставляя красные узорчатые следы, но это была «сладкая» боль. Бабушка шла выпрямившись, и на её лице играла редкая, почти детская улыбка. Мы несли не просто масло. Мы несли удачу, надежду, маленькую победу над серым, дефицитным бытием.

Дома, разгружая драгоценную ношу, бабушка бережно сложила авоськи, и они снова стали невесомыми комочками.

– Вот видишь, – сказала она, – и сетка выручила. Авоська.

Всё в жизни на авось. Авось пронесёт. Сегодня, глядя на холодильник, ломящийся от изобилия, я иногда ловлю себя на мысли о той зелёной сетке. Она давно исчезла, как исчезло то время. Но осталось это чувство – смутное, двойственное. Тоска по азарту простой добычи? Нет. Скорее, память о том, как много могла значить одна маленькая вещь. Как она сплетала в

своих узлах-ячейках не только продукты, но и надежды целой жизни, и как крепко, до боли, эти надежды иногда врезались в ладонь.

Юрий Журавков

«Мне не хватает снега за окном...»

Мне не хватает снега за окном,
Глотка шампанского и праздничных салатов,
Мигающих гирлянд под потолком,
Свечей на столике, еловых ароматов...

Чтобы звезда на ёлке и шары,
Дождь из фольги от пола до макушки,
Чтоб ватный Дед Мороз среди мишуры
И конфетти цветные из хлопушки...

Всё тот же наш советский «Огонёк»,
Звучат простые добрые мотивы...
Где на моём лице – румянец щёк,
А мама с папой молоды и живы...

Опять к концу подходит выходной,
Но от тоски не нахожу я средства.
Мне не хватает праздника порой
И радостей, что не забрал из детства.

19.10.2025

«Минуты оставались до полёта...»

Минуты оставались до полёта,
Уж позади остался терминал.
Стояла очередь на трап у самолёта,
И пёс с хозяином посадки ожидал.

На лапу с лапы он переминался.
Шумят турбины, и кругом народ.
Конечно, пёс немного волновался
Перед посадкой в серебристый самолёт.

Как результат короткого процесса,
Насколько мог людей он понимать,
Пёс догадался лишь, что стюардесса
Не хочет в самолёт его пускать.

Хозяин ей показывал билеты,
Что-то твердил про справку и печать,
А после, молча выслушав ответы,
Намордник снял и отпустил гулять.

Свободы дух, ведь день был свеж и светел!
Бежал повизгивая, мчался со всех лап,
Но краем глаза издали заметил,
Что за хозяином уже убрали трап...

Что было силы он обратно мчался,
Ни лёгкие, ни лапы не жалел...
Но самолёт от поля оторвался
И, словно птица, в небо улетел.

Тянулись месяцы, дни проходили строем,
Мир заклемила серости печать,
Но, лишь заслышав самолёт над полем,
Несчастный пёс бежал его встречать.

Он похудел от голода и стресса,
Но продолжал всё так же верно ждать.
Вот тот же борт, и та же стюардесса
Не сразу, но смогла его узнать.

О пассажирах данные подняли:
Кто с этим псом летел? Куда? Когда?
Не верится, но всё же отыскали.
Казалось, позади уже беда...

Но только труд напрасным оказался.
Конечно, Бог хозяину судья,
Но от собаки он, представьте, отказался,
Сославшись, мол, теперь жена... семья...

Чужие люди приняли бродягу,
В газете довелось о том прочесть.
Хоть не давал он в верности присягу,
Но он сберёт свою собачью честь!

Никто не ставит под сомненье достоверность
Истории давно минувших дней.
Пёс показал нам – что такое верность,
А вот предательство – уже удел людей.

29.04.2022

«Январский воздух от мороза синий...»

Январский воздух от мороза синий.
В нём голоса, как птичий хор, звенят.
Снимая с поручней крылечка белый иней,
Сегодня вышел на прогулку детский сад.

Детишки бегали, резвились и кричали...
И края нет у игр череды,
Но вдруг внезапно дети замолчали,
А если тихо – значит, жди беды.

Для любопытства детский мозг – арена,
Порой бывает жалко и смешно.
Картина маслом. Лишь немая сцена,
Такого не увидишь и в кино.

У воспитательницы лёгкая икота,
Дрожит рука, в ней чайник с кипятком.
Сказал сегодня на прогулке кто-то,
Что умный к горке не прилипнет языком.

И результат, конечно, ожидаем.
Но стоит ли детей за то ругать?
Мы сами умными порой себя считаем,
Другим пытаюсь это доказать.

Вступаем в спор и лезем вон из кожи,
Проблемы видеть не желая глубоко,
Мы тоже часто на детей похожи
И на слабó ведёмся так легко.

21.10.2023

«Мне снилась лестница подъезда...»

Мне снилась лестница подъезда,
Гитара. Мне шестнадцать лет.
В окне плакат – «Решенье съезда...»,
На стенке – ящик для газет.

Мы – на ступеньках с пацанами,
В кармане – «Ява», дым столбом...
Расселись между этажами,
А там ноябрь за окном.

В подъезд зашли мы не от скуки,
Обдав весь дом пивным амбре:
Похолодало, мёрзнут руки,
И пальцы не берут баррэ¹.

Звенели тянутые струны,
Они давно не держат строй,
Но я – поэт, певец фортуны,
Среди мальчишек я – герой!
Блестит гитара декой² гладкой,
Лады затёрты добела.
И сцена лестничной площадкой
В те годы для меня была.

Кричащий голос на надломе
Опять звучит на этажах,
А самый главный критик в доме –
Соседка с веником в руках.

Мне снился сон: опять шестнадцать,
Подъезд, ноябрь, гитары звон...
Мне снилась юность, если вкратце...
Как жаль, что это только сон.

28.09.2023

¹ Баррэ (фр. «перегороженный») – приём игры на гитаре, при котором указательный палец играющей на грифе руки зажимает одновременно несколько струн. Это позволяет получить несколько звуков, что важно для правильного звучания многих аккордов.

² Декой – от «дека», часть корпуса некоторых струнных и клавишных музыкальных инструментов, служащая для отражения и усиления звука.

«Сейчас мне скажут: „Не было! Заврался!“...»

Сейчас мне скажут: «Не было! Заврался!»
Но помню я, примерно... семьдесят шестой...
Когда к ста граммам на разлив давался
Тот бутерброд с зернистой икрой.

Наверно, это было в День Победы,
Совсем седой мой дядька-фронтовик
Со мною вёл какие-то беседы,
А у дороги чуть держал за воротник.

Куда-то шли неспешною походкой
И будто бы случайно, между дел,
Зашли в отдел, где торговали водкой,
Да помню, «штучный» был на вывеске отдел.

Огромная витрина перед носом,
Стекло изогнуто горбатою горой,
А дно прикрыто алюминиевым подносом –
И бутерброды с чёрною икрой.

Сейчас бы их! Я не прошёл бы мимо!
Тогда – не вызывали интерес.
Вполне была привычная картина:
Икра стояла в банках и вразвес.

Я помню, дядька взял стакан гранёный,
Тот бутерброд мне в руки протянул.
Я всё слизал, лишь только хлеб солёный
В широкую ладонь его вернул.

И с продавцом друг друга поздравляли,
Шутили и смеялись надо мной.
Тут дядька выдохнул – и звякнули медали
Так где-то высоко над головой.

09.07.2023

«Московское метро. Обычный день...»

Московское метро. Обычный день.
Качается вагон, стучат колёса.
А где-то наверху цветёт сирень,
И птичий хор кричит многоголосо.

Очередной состав нырнул в тоннель,
Кто занят книгой, кто листал газету,
Кто на коленях свой держал портфель:
Москва восьмидесятых по сюжету.

Но вдруг состав заметно сбавил ход
И тормоза лениво заскрипели,
Над головой – бетонных плиток свод,
И только темнота вокруг в тоннеле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.